

Вступление

Э то были времена, когда боги еще жили среди людей в человеческом обличье. Лишь иногда они являли себя огромными — в три человеческих роста, а то и больше, такими, как подле храмов Египта.

Да и сам Египет был совсем другим.

Он простирался от океана на западе до земель за Нилом-Хапи на востоке, от синего моря на севере до непроходимых лесов на юге. Не было песков, от края до края зеленела саванна, журчала вода многочисленных рек, перелески позволяли жить животным и птицам, в озерах плескалась рыба, на лугах паслись тучные стада, а в полях зрел урожай.

Бог Осирис научил людей пасти скот и обрабатывать землю, плавить металл и строить, дал многочисленные знания жрецам, знания, которые позволяли поднимать огромные каменные блоки на любую высоту одним заклинанием... Научил многому.

Но потом был убит и расчленен на сорок частей собственным братом — богом тьмы, войны и хаоса, богом пустыни Сетом. Жена Осириса Изиды сумела собрать части своего супруга и даже родила от него сына — бога света и власти Гору, но Осирис предпочел удалиться в загробный мир и стал править там.

А Верхний Египет от первых порогов до самого Мемфиса достался Сету.

Повзрослевший Гор по просьбе матери попытался вернуть трон отца, хотя его самого больше влекло в Дуат — загробный мир Осириса.

Сражения между дядей и племянником заканчивались не в пользу Гора, он даже потерял правый глаз, который стал Оком Гора. А Сет принялся заносить Египет песком. Цветущая земля на глазах превращалась в пустыню. За восемьдесят лет противостояния богов выросли поколения египтян, которые не помнили нынешнюю пустыню зеленой, жизнь давно сосредоточилась в оазисах и, конечно, на берегах Нила.

Теперь Сет правил большей частью долины Нила, под его властью были земли Нубии и Верхнего Египта — 22 больших и сильных нома. Гору принадлежала Дельта, с востока теснимая пришельцами из Азии, тоже поклонявшимися Сету. Казалось, еще немного, и весь Нил окажется подчинен богу тьмы.

Сам он предпочитал Негаду, Нехен или вообще свои владения на востоке за ущельем Джаути, за которое не пускали никого чужого.

Предстояла решающая схватка Гора и Сета, от которой зависело, каким быть Египту.

Глава 1

Египтяне странный народ, они используют лошадей, запрягая в колесницы, но не ездят верхом, и не умеют плавать, даже живя на берегах больших рек. Вернее, река осталась одна — Нил, остальные пересохли и занесены песком, но даже на Ниле ни один египтянин не войдет в воду дальше чем по колено, предпочитая передвигаться по воде в лодках. Даже самая утлая и ненадежная лодчонка для него предпочтительней собственных рук и ног.

Объясняют это тем, что в воде не видно, кто там внизу, мол, в любое мгновение подводное чудовище может схватить за ногу и утащить. Справедливо, крокодилов много, но если умеешь разговаривать с ними, то не страшно. А тушу бегемотихи трудно не заметить.

Менес тоже опасался плавать, предпочитая обливаться водой на берегу. Он очень любил эту утреннюю процедуру, когда еще не жарко, и вода испарялась с кожи медленно, можно почувствовать ее живительную силу.

День обещал быть жарким, потому скульптор появился на берегу Нила с рассветом. Произнес нужные слова, предупреждая крокодилов, что его трогать нельзя, набрал две больших бадьи воды и принялся с удовольствием обливаться.

В одной оказалась довольно крупная рыба, выловив добычу, Менес бросил ее старому крокодилу, внимательно наблюдавшему за человеком. Клацнули зубы, и рыбы как не бывало. Захлопнув пасть, крокодил продолжил невозмутимо взирать на скульптора. Менес знал, что рептилия его не тронет, каждое утро животное получало зазевавшуюся рыбу или нарочно принесенного цыпленка. Заговор заговором, но Менес предпочитал подкармливать ветерана этих мест, лучше дарить ему цыпленка и спокойно набирать воду, чем опасно оглядываться.

Когда он возвращался в свою мастерскую, в крошечной комнатке которой жил, солнце уже поднялось над Нилом на половину своего диска. Настроение было прекрасным, нет нормальных людей, которые не радовались бы появлению Небесной колесницы после черноты ночи. Ра в небе означает, что жизнь продолжается.

Город на берегу Нила только назывался Городом Мертвых, в нем жили те, кто помогал умершим переселиться в Дуат — загробный мир Осириса, снабжал всем необходимым и устраивал погребение.

Делали это обычные живые люди, а живым нужно кушать, им нужны масла и парики, сандалии и набедренные повязки схенти, мебель и сладости, пиво и плоски для еды... да мало ли что нужно живому человеку.

А потому центром Города Мертвых был Рынок.

Оживал рынок с первыми лучами солнца и затихал к середине дня, когда становилось слишком жарко и все живое норовило спрятаться в тень.

Скульптор Менес спешил за покупкой, поскольку ему требовался незамысловатый сосуд для воды вза-

мен разбитого накануне. Можно бы вылепить и обжечь самому, но Менес предпочитал оставить такую работу гончарам — каждый должен делать то, что у него получается лучше всего. У самого Менеса лучше выходили большие скульптуры, которые требовали много времени и сил, зато приносили много золота, а все необходимое для своей весьма скромной жизни Менес приобретал на рынке.

Он вообще старался дать работу многим. Не держал слуг, поскольку не нуждался в особом уходе и не имел большого дома, только мастерскую, полученную по наследству от его учителя. У Менеса не было повара или специального слуги для ухода за волосами, не было тех, кто умачивал бы его тело маслами или брил голову, никто не следил за схенти или ожерельями.

Менес просто не нуждался во всех этих услугах. Скульптор очень богат, поскольку имел много заказов, за которые щедро платили, но жил среди людей среднего достатка, так проще. Потому и привлекал соседского мальчишку для натирания маслом спины там, где сам достать не мог. Невелика работа, а для семьи мальчишки шетит не лишней.

Голову брил другой сосед, хорошо владевший бритвой. И ткань для схенти приобреталась на соседней улице, где потерявший ногу бывший ткач едва сводил концы с концами со своим многочисленным семейством. У Менеса лежала большая стопка схенти, которые он еще ни разу не надевал, но мастер каждый месяц исправно покупал новое, чтобы у семьи ткача было что кушать. Или мог прийти к ним и сокрушенно сообщить, что поддался на уговоры и купил большой куль зерна, которое у него непременно съедят мыши. Чтобы этого не случилось, зерно нужно забрать себе, а его угостить лепешками.

И глину для работы ему часто приносили мальчишки, получавшие взамен или шетиты, или мед и сладости.

При этом Менес не был очень общительным, по долгу отсутствовал, если работа оказывалась далеко от дома.

В съестных торговых рядах было многолюдно, но большинство посетителей лишь пожирали голодными глазами стопки ячменных лепешек, овечьи туши на крюках, связки птицы, глотали слюнки от умопомрачительного запаха печеных овощей и мяса, обливались при виде больших сосудов с медом или пивом, не имея возможности все это купить. Беженцы... те, кого согнали с обжитых мест на западе наступающие пески, чьи дома засыпаны, пашни засохли, а скот погиб, у кого не было золота, чтобы прокормить своих детей, кто давно жил на подачки родственников с берегов Нила.

Скульптор слышал, что каждый день во время раздачи хлеба среди беженцев возникают потасовки, бывают даже раненые. И на берегу иногда не протолкнешься, и по улицам не пройдешь...

Смотреть на таких людей тяжело, но местные жители уже привыкли, поток обездоленных из-за наступления пустыни с запада рос с каждым днем, бедолаги брались за любую работу ради куска хлеба, воровали, а иногда и открыто грабили.

И никто не знал, как справиться с этой бедой. Единственная надежда — победа Гора над Сетом и восстановление прежнего Египта. Никто не представлял, как вернуть пустыне вид цветущей земли, но все ждали победы бога света над богом тьмы.

Правда, немало было и таких, кто предпочитал приносить дары Сету, надеясь, что он не тронет имен-

но их поля, каналы, луга, стада и дома. Страх — сильный мотив, иногда даже сильнее надежды. Не лучше ли задобрить бога тьмы, чем воевать с ним?

Менес поморщился при виде толпы несчастных, их, конечно, жалко, но Город Мертвых не способен вместить и накормить всех. Само присутствие этих людей лишало жизнь гармонии, которая так необходима тому, кто создает красоту. Возможно, поэтому Менес предпочитал одиночество и редко бывал даже на рынке.

У продавца оливкового масла перевернули большой кувшин. Хитрецы постарались сделать это с тем, у которого горлышко уже распечатано. Масло полилось на землю, к ароматной лужице тут же метнулись несколько мальчишек-оборванцев, сбросили схенти, начали втаптывать их в масло, чтобы впиталось.

Хозяин закричал, по голым телам и головам заходила толстая палка, которой обычно отгоняют собак и обезьян, мальчишки завопили, поднялась суматоха. Менес не выдержал, подошел, поинтересовался:

— Сколько стоит твой кувшин с маслом?

— Зачем тебе? — продавец был зол, как ветер из пустыни.

— Сколько?

Собравшиеся любопытные замерли, не понимая, к чему клонит скульптор.

— Две шетита!

Конечно, даже большой кувшин не стоил таких средств, но Менес согласно кивнул:

— Держи. — И повернулся к мальчишкам: — Заберите кувшин и чтоб я вас больше здесь не видел.

Те сообразили раньше, чем продавец, исчезли, унося кувшин, один даже схенти обронил.

Бывший владелец наконец осознал, что мог бы получить и больше шетитов, заверещал:

— Это только масло стоит два шетита, а еще кувшин? Менес удивленно приподнял бровь:

— Я спросил, сколько стоит твой кувшин с маслом. Так? — он повернулся к зевакам, которые радостно согласились. Все понимали, что даже в этом случае скульптор переплатил.

Осознав, что больше ничего не получит, продавец махнул рукой и тут же бросился отгонять от своего товара воришек, воспользовавшихся невниманием. Менес, смеясь, отправился дальше.

Зачем-то купив горстку вымоченного в меду чеснока, хотя вовсе не был гурманом, он поспешил пройти остальные ряды с едой и углубился в царство гончаров. Многие расположили свои корзины с глиной тут же и лепили плошки и сосуды на глазах у возможных покупателей. Здесь можно купить не только посуду, но и занятные игрушки из обожженной глины, маленькие статуэтки, детские свистульки и прочую ерунду, на создание которой горазды подмастерья.

У крайнего в ряду продавца рослый мужчина рассматривал какую-то статуэтку, советуясь со своим спутником. Мужчина был заметно крупней окружающих, что выдавало бессмертного — помощники нынешнего правителя Египта, вернее, того, что от Египта осталось, бога света Гора отличались ростом и статью. Сам Гор, как все боги, мог произвольно менять свой вид, но людям показывался только в маске Сокола. Зато его помощники ходили повсюду свободно.

Этот рослый явно из таких, как и его приятель. Рядом с ними разглядывала какую-то вещицу совсем юная девушка. Взгляд Менеса невольно отметил стройность ее фигурки, словно вышедшей из-под

резца умелого мастера. Скульптор не мог не восхищаться идеальными пропорциями.

Но тут же Менес увидел иное — девчонка ловко завладела сумкой, которую опрометчиво положил рядом с собой мужчина. Воровка! Мужчина был слишком увлечен беседой со своим спутником и с продавцом, чтобы заметить кражу, возможно, воровство и удалось бы, но девчонка, проверяя, не наблюдает ли за ней кто-то, встретила взглядом со скульптором.

На мгновение замерли оба. Менес мог крикнуть и тем самым погубить девушку, воровство в Городе Мертвых наказывалось жестоко, но он почему-то лишь сурово сдвинул брови. Воровка с досадой поджала губы и вернула сумку на место. Ее глаза стрельнули в сторону беседующих мужчин, Менес тоже перевел взгляд на хозяина спасенной собственности, а когда снова посмотрел на девушку, той уже не было на месте. Мужчина купил у торговца статуэтку, не глядя, положил ее в сумку, перекинул длинную ручку через плечо и повернулся, чтобы уйти. Скульптор увидел, что помешало мужчине заметить действия воровки — его глаз был закрыт. Красть у калеки! Хорошо, что это не удалось.

Настроение оказалось испорчено окончательно, даже забыв, зачем пришел, Менес поспешил обратно в свою мастерскую. Он мог бы радоваться, ведь не позволил обворовать калеку, но почему-то чувствовал себя соучастником. Не давало покоя видение девчонки с сумкой, что-то во всем этом было не так.

На беженку она не похожа, наверняка из банды расхитителей гробниц, таким все равно, у кого воровать. И вдруг скульптор понял: он не уверен, что девчонка ничего не стащила из сумки. Конечно, он даже обвинить бы воровку не смог, но ощущение подлого обмана не отпустило.

За свою жизнь Менес не взял чужого зернышка, каждый кусок лепешки был им заработан. Он остался сиротой совсем маленьким, родителей помнил смутно. Был воспитан и обучен старым скульптором, которому таскал воду и глину, разводил огонь, подметал мастерскую и подносил инструменты. А заодно учился. Старый мастер передал свое умение юному Менесу и умер, оставив ему большую мастерскую, забитую незавершенными работами, и много золота, значения которому никогда не придавал, внушив подобное отношение к блестящему металлу и ученику. Менес был очень богат, но при виде скульптора это никому не пришло бы в голову, он вел себя как обычный горожанин и мастер средней руки.

А сейчас впервые столкнулся с откровенным воровством.

Попробуй Менес разобраться в том, что чувствует, понял бы, что досадует не столько на девчонку, ловкость которой его скорее восхитила, чем возмутила, а на самого себя. Ему не удавалось забыть красотку, а совесть не позволяла молчать о краже. И все же Менес знал, что не выдаст воровку.

Неизвестно, как он поступил бы, но в мастерской скульптора ждали необычные гости...

Менес был прав — девушка действительно успела вытащить кое-что из сумки одноглазого, пока скульптор разглядывал их с продавцом. Что это, она еще не поняла, но поспешила спрятать в свою сумку, висящую за спиной под прикрытием волны рыжих блестящих локонов, разметавшихся по спине до самых бедер. Египтянки предпочитали брить головы и надевать парики, но Незер, так звали девушку, нравились собственные рыжие локоны, и она умело пользовалась потрясением, которое испытывали мужчины,

осознав, что на ее голове не парик. Это хорошо отвлекло от остального...

Даже ее имя — Незер — означало «пламя», что соответствовало и внешности юной красавицы, и ее бешеному темпераменту.

Ловкой, гибкой, ей удалось ускользнуть не только от прилавка гончара, но и вообще с рынка. Незер спешила спрятать свою добычу от чужих глаз, а уж потом решить, как именно с ней поступить.

Незаметно спрятать что-то ценное там, где даже передвигаться по улицам теперь приходилось, практически расталкивая людей плечами, трудно, но Незер знала, где и как это можно сделать. Однако сначала стоило посмотреть, что она украла, ведь сумка за спиной была горячеей, заставляя временами ежиться.

Скользнув в свою каморку, девушка решительно опустила занавес из плотной, грубой ткани, придавила его камнем, чтобы не распахнули сразу, и скользнула за ложе. Быстро сдернула со спины сумку, вывалила на пол добычу и замерла. Такого она не держала в руках никогда, хотя золотых вещиц, изящных и щедро усыпанных драгоценными камнями, повидала, несмотря на юный возраст, немало.

Это был анх — символ божественной власти, такими владеют только жрецы самого высокого порядка. Крест с кольцом выполнен с высочайшим мастерством и затейливо украшен драгоценными камнями. Где же тот, у кого она украла вещь, мог взять такой? Едва ли он жрец, значит, мастер, сделавший анх. Или... Незер усмехнулась, рослый мужчина мог быть просто таким же вором, что значительно облегчало ей душевные переживания.

Незер даже закусила губу, чтобы не присвистнуть и не выдать себя соседям, коих в Городе развелось

слишком много. Одна такая добыча могла решить все ее проблемы, золота за нее можно получить столько, что хватит оплатить нужную информацию и выполнить задуманное. Теперь предстояло придумать, как и кому тайно продать добычу, не станешь же торговать удивительной вещью прямо на рынке.

Чуткое ухо уловило движение за занавешенным входом, Незер засунула анх в свою сумку и затолкала за ложе, где внизу была щель между ним и стеной. Кто-то попытался открыть занавес...

Рванув с себя коротенькое платьице, девушка швырнула его на ложе и схватила другое. Едва она успела накинуть ткань на плечи, как между занавесом и стеной в комнату просунулась мордашка с блестящими глазами. Незер сердито фыркнула:

— Ты что, не видишь, что завешено?! Я переодеваюсь.

Египтяне вовсе не стеснялись наготы, тем более столь совершенной, как у девушки, но бывали минуты, когда чужие взоры вовсе не приветствовались. Мальчишка чуть смутился:

— Я... Сену приказал позвать тебя.

Девушка чуть нахмурилась:

— Когда?

— Сейчас.

— Хорошо, приду. Кыш отсюда!

Мальчишка исчез, а девушка присела на край своего ложа и задумалась.

Необычный день. Она с раннего утра нутром чувствовала, что он будет таковым. Этот одноглазый со своей сумкой... так удачно вышло украсть... красавчик, почему-то ее не выдавший... драгоценная добыча... Жизнь научила Незер, что, когда все хорошо, это опасно.

Теперь Сену... Главварь расхитителей гробниц был ей неприятен, хотя делал все, чтобы завоевать расположение невесты откуда взявшейся в Городе красотки. Незер привыкла пользоваться своей внешностью и умела увлекать мужчин, оставляя их в дураках. От мужчин ей нужно только золото, потому что в ее жизни был единственный представитель мужского населения Египта, ради которого Незер жила и готова на все.

И анх украла тоже ради него.

Видеть Сену совсем не хотелось, теперь, когда у Незер было золото, ей ни к чему отправляться в очередную гробницу, о чем она еще вчера просила главваря. Хотя... иметь анх не все равно что иметь золото, возможно, Сену и пригодится.

Незер перебрала свои немудреные украшения, усмехнулась. Совсем недавно этих украшений и куда роскошней у девушки было несметное количество, могла надевать самые дорогие и красивые, а вот теперь выбирает, когда и выбора нет — несколько дешевых браслетов и ожерелье. Достала сумку с анхом, осторожно вытащила, стараясь держаться спиной к входу и чутко прислушиваясь. Поковыряла камни, надеясь, что хоть один отвалится, но те держались крепко, вздохнула: может, удастся продать анх достаточно дорого и золото останется на собственные украшения? Но тут же оборвала сама себя: не для того рисковала, чтобы на побрякушки золото тратить, даже если останется, то пригодится на жизнь, мало ли куда еще придется бежать. Жизнь уже научила Незер не рассчитывать на хорошее впереди, но унывать она тоже не собиралась, ведомая ей одной известной целью и готовая совершить для достижения этой цели что угодно — ограбить, предать, убить, загрызть собственными зубами!

Сену и его банда и впрямь готовились к ночной вылазке. Местные стражи прекрасно знали и о существовании расхитителей, и даже о том, куда именно те пойдут этой ночью. Но Сену никогда не экономил на подкупе, прекрасно понимая, в чем залог существования его и его способа добывания золота.

Это была отлаженная долгими годами система — через определенное время после захоронения очередного состоятельного покойника, когда его душа — Ка — уже отправлялась в царство Осириса и обратно вернуться не могла, нужные люди сообщали расхитителям, где находится потайной лаз в гробнице, не закрытый печатью. В такой лаз легко проникал щуплый человек, обычно это был очередной ловкий мальчишка или двое, из гробницы выносили все небольшие ценные вещи, которые немедленно отправляли к скупщику, а через него возвращали мастерам, их изготовившим, чтобы, будучи слегка подновленными, снова оказаться в чьей-то гробнице. И все начиналось сначала.

Сену в отличие от других расхитителей, не взламывал печатей, не вытаскивал из гробниц большие предметы, прекрасно понимая, что так можно легко попасться, к тому же мелочь иногда бывает очень ценной. Нужные люди сообщали и то, что стоило бы взять в очередной гробнице. Сену довольствовался третью настоящей стоимости украденного, треть оставлял себе скупщик, а треть брали те, кто информировал и не мешал его «работе».

Банда была невелика, как только мальчишка становился слишком болтливым или заносчивым, пытался обмануть главаря или делал что-то неловко, его посылали в гробницу еще раз, якобы в другое помещение. Ни один такой повторный поход не закончился воз-

вращением провинившегося, Сену знал, как отправлять на верную смерть.

Когда в поле его зрения появилась ловкая девчонка, явно искавшая встречи с расхитителями гробниц, Сену не сразу признался, что имеет к этому отношение. Слишком странным показалось то, что красивая, явно не из бедной семьи девушка, которая запросто могла найти себе мужа, даже не имея за душой и четверти шетита, за которые сейчас не купишь, как раньше, четверти меры проса, желала стать воровкой. Незер не рассказывала о себе ничего, ловко уводя беседу в сторону, Сену понял только одно — ей очень нужно золото, много золота (хотя кому оно не нужно?). Приказал проследить за девчонкой, но его ловкачи ничего не сумели за два дня увидеть, потому главарь решил сегодня ночью взять Незер с собой и там посмотреть, как себя поведет.

Она пришла так, словно делала им одолжение своим появлением. Даже не глянула на освободившего место Шахкея, словно тот обязан уступать. Тот собрался возмутиться, но тут же расплылся в улыбке, словно увидел оброненный кем-то большой мешочек с шетитами — красавица вдруг похлопала рукой по камню рядом с собой:

— Садись, Шахкей.

Сидеть на остром камне было крайне неудобно, но вор сел бы и на кол, лишь бы рядом с этой девушкой. Сену постарался сдерживать улыбку. Что и говорить, умеет Незер превращать мужчин в своих рабов. Она тут же отвернулась от Шахкея, но тот продолжал смотреть на красавицу влюбленным взглядом.

Они подкреплялись кусочками ягнятины, запеченными в костре, которые нанизывали на прутики.